

Владимир Одоевский

Город без имени

Владимир Федорович Одоевский

Город без имени

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=647485
Владимир Федорович Одоевский. Избранное: М.; 2011*

Аннотация

«...Дорога тянулась между скал, поросших мохом. Лошади скользили, поднимаясь на крутизну, и наконец совсем остановились. Мы принуждены были выйти из коляски...

Тогда только мы заметили на вершине почти неприступного утеса нечто, имевшее вид человека. Это привидение, в черной епанче, сидело недвижно между грудями камней в глубоком безмолвии...»

Содержание

Комментарии

Владимир Федорович Одоевский Город без имени

В пространных равнинах Верхней Канады, на пустынных берегах Ореноко, находятся остатки зданий, бронзовых оружий, произведения скульптуры, которые свидетельствуют, что некогда просвещенные народы обитали в сих странах, где ныне кочуют лишь толпы диких звероловов.

Гумбольд. Vues des Cordilleres¹. Т. I^[1]

...Дорога тянулась между скал, поросших мохом. Лошади скользили, поднимаясь на крутизну, и наконец совсем остановились. Мы принуждены были выйти из коляски...

Тогда только мы заметили на вершине почти неприступного утеса нечто, имевшее вид человека. Это привидение, в черной епанче, сидело недвижно между грудами камней в глубоком безмолвии. Подойдя ближе к утесу, мы удивились, каким образом это существо могло взобраться на вышину почти по голым отвесным стенам. Почтальон на наши вопросы отве-

¹ Виды Кордильерой (франц.)

чал, что этот утес с некоторого времени служит обита-
лищем *черному человеку*, а в околodge говорили, что
этот черный человек сходит редко с утеса, и только за
пищею, потом снова возвращается на утес и по целым
дням или бродит печально между камнями, или сидит
недвижим, как статуя.

Сей рассказ возбудил наше любопытство. Почта-
льон указал нам узкую лестницу, которая вела на вер-
шину. Мы дали ему несколько денег, чтобы заставить
его ожидать нас спокойнее, и через несколько минут
были уже на утесе.

Странная картина нам представилась. Утес был
усеян обломками камней, имевшими вид развалин.
Иногда причудливая рука природы или древнее неза-
памятное искусство растягивали их длинною чертою,
в виде стены, иногда сбрасывали в груду обвалив-
шегося свода. В некоторых местах обманутое вооб-
ражение видело подобие перистилей^[2]; юные дере-
вья, в разных направлениях, выказывались из-за об-
ломков; повлика пробивалась между расселин и до-
вершала очарование. Шорох листьев заставил черно-
го человека обернуться. Он встал, оперся на камень,
имевший вид пьедестала, и смотрел на нас с неко-
торым удивлением, но без досады. Вид не знакома
был строг и величествен: в глубоких впадинах горели
черные большие глаза; брови были наклонены, как у

человека, привыкшего к беспрестанному размышлению; стан незнакомца казался еще величавее от черной епанчи, которая живописно струилась по левому плечу его и ниспадала на землю. Мы старались извиниться, что нарушили его уединение...

– Правда... – сказал незнакомец после некоторого молчания, – я здесь редко вижу посетителей; люди живут, люди проходят... разительные зрелища остаются в стороне; люди идут дальше, дальше – пока сами не обратятся в печальное зрелище...

– Не мудрено, что вас мало посещают, – возразил один из нас, чтоб завести разговор, – это место так уныло, – он похоже на кладбище.

– На кладбище... – прервал незнакомец, – да, это правда! – прибавил он горько, – это правда – здесь могилы многих мыслей, многих чувств, многих воспоминаний...

– Вы, верно, потеряли кого-нибудь, очень дорогого вашему сердцу? – продолжал мой товарищ.

Незнакомой; взглянул на него быстро; в глазах его выражалось удивление.

– Да, сударь, – отвечал он, – я потерял самое драгоценное в жизни – я потерял отчизну...

– Отчизну?..

– Да, отчизну! вы видите ее развалины. Здесь, на самом этом месте, некогда волновались страсти, го-

рела мысль, блестящие чертоги возносились к небу, сила искусства приводила природу в недоумение... Теперь остались одни камни, заросшие травой, – бедная отчизна! я предвидел твое падение, я стенал на твоих распутиях: ты не услышала моего стога... и мне суждено было пережить тебя.

– Незнакомец бросился на камень, скрывая лицо свое... Вдруг он вспрянул и старался оттолкнуть от себя камень, служивший ему подпорою.

– Опять ты предо мною, – вскричал он, – ты, вина всех бедствий моей отчизны, – прочь, прочь – мои слезы не согреют тебя, столб безжизненный... слезы бесполезны... бесполезны?.. не правда ли?.. – Незнакомец захохотал.

Желая дать другой оборот его мыслям, которые с каждою минутою становились для нас непонятнее, мой товарищ спросил незнакомца, как называлась страна, посреди развалин которой мы находились? – У этой страны нет имени – она недостойна его; некогда она носила имя, – имя громкое, славное, но она втоптала его в землю; годы засыпали его прахом; мне не позволено снимать завесу с этого таинства...

– Позвольте вас спросить, – продолжал мой товарищ, неужели ни на одной карте не означена страна, о которой вы говорите?..

Этот вопрос, казалось, поразил незнакомца...

– Даже на карте... – повторил он после некоторого молчания, – да, это может быть... это должно так быть; так... посреди бесчисленных переворотов, потрясавших Европу в последние веки, легко может статься, что никто и не обратил внимания на небольшую колонию, поселившуюся на этом неприступном утесе; она успела образоваться, процвести и... погибнуть, не замеченная историками... но, впрочем... позвольте... это не то... она и не должна была быть замеченною; скорбь смешивает мои мысли, и ваши вопросы меня смущают... Если хотите... я вам расскажу историю этой страны по порядку... это мне будет легче... одно будет напоминать другое... только не прерывайте меня...

Незнакомец облокотился на пьедестал, как будто на кафедру, и с важным видом оратора начал так:

«Давно, давно – в XVIII столетии – все умы были взволнованы теориями общественного устройства; везде спорили о причинах упадка и благоденствия государств: и па площади, и па университетских диспутах, и в спальне красавиц, и в комментариях к древним писателям, и на поле битвы. Тогда одни молодой человек в Европе был озарен новою, оригинальною мыслию. Нас окружают, говорил он, тысячи мнений, тысячи теорий; все они имеют одну цель – благоденствие общества, и все противоречат друг

другу.

Посмотрим, нет ли чего-нибудь общего всем этим мнениям? Говорят о правах человека, о должностях: но что может заставить человека не переступить границ своего права? что может заставить человека свято хранить свою должность? одно собственная его польза! Тщетно вы будете ослаблять права человека, когда к сохранению их влечет его собственная польза; тщетно вы будете доказывать ему святость его долга, когда он в противоречии с его пользою. Да, *польза* есть существенный двигатель всех действий человека! Что бесполезно – то вредно, что полезно – то позволено. Вот единственное твердое основание общества! Польза и одна польза – да будет вашим и первым и последним законом! Пусть из нее происходят будут все ваши постановления, ваши занятия, ваши нравы; пусть польза заменит шаткие основания так называемой совести, так называемого врожденного чувства, все поэтические бредни, все вымыслы филантропов и общество достигнет прочного благоденствия.

Так говорил молодой человек в кругу своих товарищей, – и это был – мне не нужно называть его – это был Бентам. Блистательные выводы, построенные на столь твердом, положительном основании, воспламенили многих. Посреди старого общества нельзя бы-

ло привести в исполнение обширную систему Бентама: тому противились и старые люди, и старые книги, и старые поверья. Эмиграции были в моде. Богачи, художники, купцы, ремесленники обратили свое имение в деньги, запаслись земледельческими орудиями, машинами, математическими инструментами, сели на корабль и пустились отыскивать какой-нибудь незанятый уголок мира, где спокойно, вдали от мечтателей, можно было бы осуществить блистательную систему.

В это время гора, на которой мы теперь находимся, была окружена со всех сторон морем. Я еще помню, когда паруса наших кораблей развевались в гавани. Непрístupное положение этого острова понравилось нашим путешественникам. Они бросили якорь, вышли на берег, не нашли на нем ни одного жителя и заняли землю по праву первого приобретателя. Все, составлявшие эту колонию, были люди более или менее образованные, одаренные любовью к наукам и искусствам, отличавшиеся изысканности вкуса, привычкою к изящным наслаждениям.

Скоро земля была возделана; огромные здания, как бы сами собою, поднялись из нее; в них соединились все прихоти, все удобства жизни; машины, фабрики, библиотеки, все явилось с невыразимою быстротою. Избранный в правители лучший друг Бентама

все двигал своею сильною волею и своим светлым умом. Замечал ли он где-нибудь малейшее ослабление, малейшую нерадивость, он произносил заветное слово: польза – и все по-прежнему приходило в порядок, поднимались ленивые руки, воспламенялась погасавшая воля; словом, колония процветала. Проникнутые признательностию к виновнику своего благоденствия, обитатели счастливого острова на главной площади своей воздвигнули колоссальную статую Бентама и на пьедестале золотыми буквами начертали: польза, Так протекли долгие годы. Ничто не нарушало спокойствия и наслаждений счастливого острова.

В самом начале возродился было спор по предмету довольно важному. Некоторые из первых колонистов, привыкшие к вере отцов своих, находили необходимым устроить храм для жителей. Разумеется, что тотчас же возродился вопрос: полезно ли это? и многие утверждали, что храм не есть какое-либо мануфактурное заведение и что, следовательно, не может приносить никакой ощутительной пользы. Но первые возражали, что храм необходим для того, дабы проповедники могли беспрестанно напоминать обитателям, что польза есть единственное основание нравственности и единственный закон для всех действий человека. С этим все согласились – и храм был устроен.

Колония процветала. Общая деятельность превосходила всякое вероятие. С раннего утра жители всех сословий поднимались с постели, боясь потерять понапрасну и малейшую частицу времени, – и всякий принимался за свое дело: один трудился над машиной, другой взрывал новую землю, третий пускал в рост деньги – едва успевали обедать. В обществах был один разговор – о том, из чего можно извлечь себе пользу? Появилось множество книг по сему предмету – что я говорю? одни такого рода книги и выходили. Девушка вместо романа читала трактат о прядильной фабрике; мальчик лет двенадцати уже начал откладывать деньги на составление капитала для торговых оборотов. В семействах не было ни бесполезных шуток, ни бесполезных рассеянии, – каждая минута для была разочтена, каждый поступок взвешен, и ничто даром не терялось. У нас не было минуты спокойствия, не было минуты того, что другие называли само-наслаждением, жизнь беспрестанно двигалась, вертелась, трещала. Некоторые из художников предложили устроить театр. Другие находили такое заведение совершенно бесполезным. Спор долго длился – но наконец решили, что театр может быть полезным заведением, если все представления на нем будут иметь целью доказать, что польза есть источник всех добродетелей и что бесполезное есть

главная вина всех бедствий человека. На этом условии театр был устроен.

Возникали многие подобные споры; по как государством управляли люди, обладавшие бентамовою неотразимою диалектикою, то скоро прекращались ко всеобщему удовольствию. Согласие не нарушалось – колония процветала! Восхищенные своим успехом, колонисты положили па вечные времена но переменять своих узаконении, как признанных па опыте последним совершенством, до которого человек может достигнуть. Колония процветала. Так снова протекли долгие годы. Невдалеке от нас, также на необитаемом острове, поселилась другая колония. Она состояла из людей простых, из земледельцев, которые поселились тут не для осуществления какой-либо системы, но просто чтоб снискивать себе пропитание. То, что у нас производили энтузиазм и правила, которые мы сосали с молоком матерним, то у наших соседей производилось необходимостью жить и трудом безотчетным, но постоянным. Их нивы, луга были разработаны, и возвышенная искусством земля сторицею вознаграждала труд человека.

Эта соседняя колония показалась нам весьма удобным местом для так называемой эксплуатации²;

² К счастью, это слово в сем смысле еще не существует в Русском языке; его можно перевести: наживка на счет ближнего. (*Примеч. В.Ф.*)

мы завели с нею торговые сношения, но, руководствуясь словом польза, мы не считали за нужное щадить наших соседей; мы задерживали разными хитростями провоз к ним необходимых вещей, а потом продавали им свои втридорога; многие из пас, оградясь всеми законными формами, предприняли против соседей весьма удачные банкротства, от которых у них упали фабрики, что послужило в пользу нашим; мы ссорили наших соседей с другими колониями, помогали им в этих случаях деньгами, которые, разумеется, возвращались нам сторицею; мы увлекали их в биржевую игру и посредством искусных оборотов были постоянно в выигрыше; наши агенты жили у соседей безвыходно и всеми средствами: лестию, коварством, деньгами, угрозами – постоянно распространяли нашу монополию. Все наши богатели – колония процветала.

Когда соседи вполне разорились благодаря нашей мудрой, основательной политике, правители наши, собравши выборных людей, предложили им на разрешение вопрос: не будет ли полезно для нашей колонии уже совсем приобрести землю наших ослабевших соседей? Все отвечали утвердительно. За сим следовали другие вопросы: как приобрести эту землю, деньгами или силою? На этот вопрос отвечали,

что сначала надобно испытать деньгами; а если это средство не удастся, то употребить силу. Некоторые из членов совета хотя и соглашались, что народонаселение нашей колонии требовало новой земли, но что, может быть, было бы согласно более с справедливостию занять какой-либо другой необитаемый остров, нежели посягать на чужую собственность. Но эти люди были признаны за вредных мечтателей, за идеологов: им доказано было посредством математической выкладки, во сколько раз более выгод может принести земля уже обработанная в сравнении с землею, до которой еще не прикасалась рука человека. Решено было отправить к нашим соседям предложение об уступке нам земли их за известную сумму. Соседи не согласились...

Тогда, приведя в торговый баланс издержки на войну с выгодами, которые можно было извлечь из земли наших соседей, мы напали на них вооруженною рукою, уничтожили все, что противопоставляло нам какое-либо сопротивление; остальных принудили откочевать в дальние страны, а сами вступили в обладание островом. Так, по мере надобности, поступали мы и в других случаях. Несчастные обитатели окружных земель, казалось, разрабатывали их для того только, чтоб сделаться нашими жертвами. Имея беспрестанно в виду одну собственную пользу, мы почитали

против наших соседей все средства дозволенными: и политические хитрости, и обман, и подкупы. Мы по-прежнему ссорили соседей между собою, чтоб уменьшить их силы; поддерживали слабых, чтоб противопоставить их сильным; нападали па сильных, чтоб восстановить против них слабых. Мало-помалу все окружные колонии, одна за другою, подпали под нашу власть – и Бентамия сделалась государством грозным и сильным. Мы величали себя похвалами за наши великие подвиги и нашим детям поставляли в пример тех достославных мужей, которые оружием, а тем паче обманом обогатили пашу колонию. Колония процветала.

Снова протекли долгие годы. Вскоре за покоренными соседями мы встретили других, которых покорение было но столь удобно. Тогда возникли у нас споры. Пограничные города нашего государства, получавшие важные выгоды от торговли с иноземцами, находили полезным быть с ними в мире. Напротив, жители внутренних городов, стесненные в малом пространстве, жаждали расширения пределов государства и находили весьма полезным затеять ссору с соседями, хоть для того, чтоб избавиться от излишка своего народонаселения. Голоса разделились. Обе стороны говорили об одном и том же: об общей пользе, не замечая того, что каждая сторона под этим

словом понимала лишь свою собственную. Были еще другие, которые, желая предупредить эту распря, заводили речь о самоотвержении, о взаимных уступках, о необходимости пожертвовать что-либо в настоящем для блага будущих поколений. Этих людей обе стороны засыпали неопровержимыми математическими выкладками; этих людей обе стороны называли вредными мечтателями, идеологами; и государство распалось на две части: одна из них объявила войну иноземцам, другая заключила с ними торговый трактат³.

Это раздробление государства сильно подействовало на его благоденствие. Нужда оказалась во всех классах; должно было отказать себе в некоторых удобствах жизни, обратившихся в привычку. Это показалось нестерпимым. Соревнование произвело новую промышленную деятельность, новое изыскание средств для приобретения прежнего достатка. Несмотря на все усилия, бентамиты не могли вернуть в свои дома прежней роскоши – и на то были многие причины. При так называемом благород-

³ Американский республиканский журнал Tribune (из коего отрывок напечатан в Сев<ерной> пчеле, 1861, сент. 21, 209, стр. 859, кол. 4), исчисляя следствие торжества ультрдемократической партии, говорит: Один штат немедленно объявит недействительным тариф союза, другой воспротивится военным налогам, третий не позволит ходить в своих пределах почте; вследствие всего этого союз придет в полное расстройство. (Примеч. В.Ф. Одоевского.)

ном соревновании, при усиленной деятельности всех и каждого, между отдельными городами часто происходило то же, что между двумя частями государства. Противоположные выгоды встречались; один не хотел уступать другому: для одного города нужен был канал, для другого железная дорога; для одного в одном направлении, для другого в другом.

Между тем банкирские операции продолжались, но, сжатые в тесном пространстве, они необходимо, по естественному ходу вещей, должны были обратиться уже не на соседей, а на самих бентамитов; и торговцы, следуя нашему высокому началу польза, принялись спокойно наживаться банкротствами, благоразумно задерживать предметы, на которые было требование, чтоб потом продавать их дорогою ценою; с основательностью заниматься биржевого игрою; под видом неограниченной, так называемой священной свободы торговли учреждать монополию. Одни разбогатели – другие разорились.

Между тем никто не хотел пожертвовать частию своих выгод для общих, когда эти последние не доставляли ему непосредственной пользы; и каналы засорялись; дороги не оканчивались по недостатку общего содействия; фабрики, заводы упадали; библиотеки были распроданы; театры закрылись. Нужда увеличивалась и поражала равно всех, богатых и бед-

ных. Она раздражала сердца; от упреков доходили до распрей; обнажались мечи, кровь лилась, восставала страна на страну, одно поселение на другое; земля оставалась незасеянною; богатая жатва истреблялась врагом; отец семейства, ремесленник, купец отрывались от своих мирных занятий; с тем вместе общие страдания увеличились. В этих внешних и междоусобных бранях, которые то прекращались на время, то вспыхивали с новым ожесточением, протекло еще много лет. От общих и частных скорбен общим чувством сделалось общее уныние. Истощенные долгой борьбою, люди предались бездействию.

Никто не хотел ничего предпринимать для будущего. Все чувства, все мысли, все побуждения человека ограничили настоящей минутой. Отец семейства возвращался в дом скучный, печальный. Его не тешили ни ласки жены, ни умственное развитие детей. Воспитание казалось излишним. Одно считалось нужным правдою или неправдою добыть себе несколько вещественных выгод. Этому искусству отцы боялись учить детей своих, чтоб не дать им оружия против самих себя; да и было бы излишним; юный бентамит с ранних лет, из древних преданий, из рассказов матери, научался одной науке: избегать законов божеских и человеческих и смотреть на них лишь как на одно из средств извлекать себе какую-нибудь выгоду.

Нечему было оживить борьбу человека; нечему было утешить его в скорби. Божественный, одушевляющий язык поэзии был недоступен бентамиту. Великие явления природы не погружали его в ту беспечную думу, которая отторгает человека от земной скорби. Мать не умела завести песни над колыбелью младенца. Естественная поэтическая стихия издавна была умерщвлена корыстными расчетами пользы. Смерть этой стихии заразила все другие стихии человеческой природы; все отвлеченные, общие мысли, связывающие людей между собою, показались бредом; книги, знания, законы нравственности – бесполезною роскошью.

От прежних славных времен осталось только одно слово – польза; но и то получило смысл неопределенный: его всякий толковал по-своему. Вскоре раздоры возникли внутри самого главного нашего города. В его окрестностях находились богатые рудники каменного угля. Владельцы этих рудников получали от них богатый доход. Но от долгого времени и углубления копей они наполнились водой. Добывание угля сделалось трудным. Владельцы рудников возвысили на него цену. Остальные жители внутри города по дороговизне не могли более иметь этот необходимый материал в достаточном количестве. Наступила зима; недостаток в уголье сделался еще более ощути-

тельным. Бедные прибегнули к правительству. Правительство предложило средства вывести воду из рудников и тем облегчить добывание угля. Богатые воспротивились, доказывая неопровержимыми выкладками, что им выгоднее продавать малое количество за дорогую цену, нежели остановить работу для осушения копей. Начались споры, и кончилось тем, что толпа бедняков, дрожавших от холода, бросилась на рудники и овладела ими, доказывая с своей стороны также неопровержимо, что им гораздо выгоднее брать уголь даром, нежели платить за него деньги. Подобные явления повторялись беспрестанно. Они наводнили сильное беспокойство па всех обитателей города, не оставляли их ни на площади, ни под домашним кровом. Все видели общее бедствие – и никто не знал, как пособить ему.

Наконец, отыскивая повсюду вину своих несчастий, они задумали, что причина находится в правительстве, ибо оно, хотя изредка, в своих воззваниях напоминало о необходимости помогать друг другу, жертвовать своею пользою пользе общей. Но уже все воззвания были поздны; все понятия в обществе перемешались; слова переменили значение; самая общая польза казалась уже мечтою; эгоизм был единственным, святым правилом жизни; безумцы обвиняли своих правителей в ужаснейшем преступлении – в по-

эзии. Зачем нам эти философические толкования о добродетели, о самоотвержении, о гражданской доблести? какие они приносят проценты? Помогите нашим существенным, положительным нуждам! кричали несчастные, не зная, что существенное зло было в их собственном сердце. Зачем, – говорили купцы, – нам эти ученые и философы? им ли править городом? Мы занимаемся настоящим делом; мы получаем деньги, мы платим, мы покупаем произведения земли, мы продаем их, мы приносим существенную пользу: мы должны быть правителями! И все, в ком нашлась хотя искра божественного огня, были, как вредные мечтатели, изгнаны из города. Купцы сделались правителями, и правление обратилось в компанию на акциях. Исчезли все великие предприятия, которые не могли непосредственно принести какую-либо выгоду или которых цель неясно представлялась ограниченному, корыстному взгляду торговцев. Государственная пронизательность, мудрое предведение, исправление нравов, все, что не было направлено прямо к коммерческой цели, словом, что не могло приносить процентов, было названо – мечтами. Банкирский феодализм торжествовал. Науки и искусства замолкли совершенно; не являлось новых открытий, изобретений, усовершенствований. Умножившееся народонаселение требовало новых сил про-

мышленности; а промышленность тянулась по старинной, избитой колее и не отвечала возрастающим нуждам. Предстали пред человека неожиданные, разрушительные явления природы: бури, тлетворные ветры, мор, голод... униженный человек преклонял перед ними главу свою, а природа, не обузданная его властью, уничтожала одним дуновением плоды его прежних усилий. Все силы дряхлели в человеке. Даже честолюбивые замыслы, которые могли бы в будущем усилить торговую деятельность, но в настоящем расстраивали выгоды купцов-правителей, были названы предрассудками. Обман, подлоги, умышленное банкротство, полное презрение к достоинству человека, боготворение золота, угождение самым грубым требованиям плоти – стали делом явным, дозволенным, необходимым. Религия сделалась предметом совершенно посторонним; нравственность заключилась в подведении исправных итогов; умственные занятия – изыскание средств обманывать без потери кредита; поэзия – баланс приходорасходной книги; музыка – однообразная стукотня машин; живопись – черчение моделей. Нечему было подкрепить, возбудить, утешить человека; негде было ему забыться хоть на мгновение. Таинственные источники духа иссякли; какая-то жажда томила, – а люди не знали, как и назвать ее. Общие страдания увеличились.

В это время на площади одного из городов нашего государства явился человек, бледный, с распущенными волосами, в погребальной одежде. Горе, – восклицал он, посыпая прахом главу свою, – горе тебе, страна нечестия; ты избивала своих пророков, и твои пророки замолкли! Горе тебе! Смотри, на высоком небе уже собираются грозные тучи: или ты не боишься, что огонь небесный ниспадет на тебя и пожжет твои веси и нивы? Или спасут тебя твои мраморные чертоги, роскошная одежда, груды злата, толпы рабов, твое лицемерие и коварство? Ты растлила свою душу, ты отдала свое сердце в куплю и забыла все великое и святое; ты смешала значение слов и назвала златом добро, добром – злато, коварство умом и ум – коварством; ты презрела любовь, ты презрела науку ума и науку сердца. Падут твои чертоги, порвется твоя одежда, травую порастут твои стогны, и имя твое будет забыто. Я, последний из твоих пророков, взываю к тебе: брось куплю и злато, ложь и нечестие, оживи мысли ума и чувства сердца, преклони колени не пред алтарями кумиров, но пред алтарем бескорыстной любви... Но я слышу голос твоего огрубелого сердца; слова мои тщетно ударяют в слух твой: ты не покаешься – проклинаяю тебя! С сими словами говоривший упал ниц на землю. Полиция раздвинула толпу любопытных и отвела несчастного в су-

масшедший дом. Через несколько дней жители нашего города в самом деле были поражены ужасною грозою. Казалось, все небо было в пламени; тучи разрывались светло-синюю молниєю; удары грома следовали один за другим беспрерывно; деревья вырывало с корнем; многие здания в нашем городе были разбиты громовыми стрелами. Но больше несчастий не было; только чрез несколько времени в Прейскуранте, единственной газете, у нас издававшейся, мы прочли следующую статью:

„Мылом тихо. На партии бумажных чулок делают двадцать процентов уступки. Выбойка требуется.

P. S. Спешим уведомить наших читателей, что бывшая за две недели гроза нанесла ужасное повреждение на сто миль в окружности нашего города. Многие города сгорели от молнии. К довершению бедствий, в соседственной горе образовался вулкан; истекшая из него лава истребила то, что было пощажено грозою. Тысячи жителей лишились жизни. К счастью остальных, застывшая лава представила им новый источник промышленности. Они отламывают разноцветные куски лавы и обращает их в кольца, серьги и другие украшения. Мы советуем нашим читателям воспользоваться несчастным положением сих промышленников. По необходимости они продают свои произведения почти задаром, а известно, что все вещи,

делаемые из лавы, могут быть перепроданы с большою выгодною и проч...»

Наш незнакомец остановился. Что вам рассказывать более? Недолго могла продлиться наша искусственная жизнь, составленная из купеческих оборотов.

Протекло несколько столетий. За купцами пришли ремесленники. Зачем, – кричали они, – нам этих людей, которые пользуются нашими трудами и, спокойно сидя за своим столом, наживаются? Мы работаем в поте лица; мы знаем труд; без нас они бы не могли существовать. Мы приносим существенную пользу городу – мы должны быть правителями! И все, в ком таилось хоть какое-либо общее понятие о предметах, были изгнаны из города; ремесленники сделались правителями – и правление обратилось в мастерскую. Исчезла торговая деятельность; ремесленные произведения наполнили рынки; не было центров сбыта; пути сообщения пресеклись от невежества правителей; искусство оборачивать капиталы утратилось; деньги сделались редкостью. Общие страдания умножились.

За ремесленниками пришли землепашцы. Зачем, – кричали они, – нам этих людей, которые занимаются безделками – и, сидя под теплою кровлею, съедают хлеб, который мы вырабатываем в поте лица, ночью и

днем, в холоде и в зное? Что бы они стали делать, если бы мы не кормили их своими трудами? Мы приносим существенную пользу городу; мы знаем его первые, необходимые нужды – мы должны быть правителями. И все, кто только имел руку, не привыкшую к грубой земляной работе, все были изгнаны вон из города.

Подобные явления происходили с некоторыми изменениями и в других городах нашей земли. Изгнанные из одной страны, приходя в другую, находили минутное убежище; но ожесточившаяся нужда заставляла их искать нового. Гонимые из края в край, они собирались толпами и вооруженной рукою добывали себе пропитание. Нивы истаптывались конями; жатва истреблялась прежде созрения. Земледельцы принуждены были, для охранения себя от набегов, оставить свои занятия. Небольшая часть земли засеивалась и, обрабатываемая среди тревог и беспокойств, приносила плод необильный. Предоставленная самой себе, без пособий искусства, она зарастала дикими травами, кустарником или заносилась морским песком.

Некому было указать на могущественные пособия науки, долженствовавшие предупредить общие бедствия. Голод, со всеми его ужасами, бурной рекою разлился по стране нашей. Брат убивал брата остатком плуга и из окровавленных рук вырывал скуд-

ную нишу. Великолепные здания в нашем городе давно уже опустели; бесполезные корабли сгнивали, в пристани. И странно и страшно было видеть возле мраморных чертогов, говоривших о прежнем величии, необузданную, грубую толпу, в буйном разврате спорившую или о власти, или о дневном пропитании! Землетрясения довершили начатое людьми: они опрокинули все памятники древних времен, засыпали пеплом; время заволокло их травой. От древних воспоминаний остался лишь один четверугольный камень, на котором некогда возвышалась статуя Бентама. Жители удалились в леса, где ловля зверей представляла им возможность снискивать себе пропитание. Разлученные друг от друга, семейства дичали; с каждым поколением терялась часть воспоминаний о прошедшем. Наконец, горе! я видел последних потомков нашей славной колонии, как они в суеверном страхе преклоняли колени перед пьедесталом статуи Бентама, принимая его за древнее божество, и приносили ему в жертву пленников, захваченных в битве с другими, столь же дикими племенами. Когда я, указывая им на развалины их отчизны, спрашивал: какой народ оставил по себе эти воспоминания? – они смотрели на меня с удивлением и не понимали моего вопроса. Наконец погибли и последние остатки нашей колонии, удрученные голодом, болезнями или истреб-

ленные хищными зверями. От всей отчизны остался этот безжизненный камень, и один я над ним плачу и проклинаяю. Вы, жители других стран, вы, поклонники злата и плоти, поведайте свету повесть о моей несчастной отчизне... а теперь удалитесь и не мешайте моим рыданиям.

Незнакомец с ожесточением схватился за четверугольный камень и, казалось, всеми силами старался повергнуть его на землю...

Мы удалились.

Приехав на другую станцию, мы старались от трактирщика собрать какие-либо сведения о говорившем с нами отшельнике.

– О! – отвечал нам трактирщик. – Мы знаем его. Несколько времени тому назад он объявил желание сказать проповедь па одном из наших митингов (meetings). Мы все обрадовались, особливо наши жены, и собрались послушать проповедника, думая, что он человек порядочный; а он с первых слов начал псбранить, доказывать, что мы самый безнравственный народ в целом свете, что банкротство есть вещь самая бессовестная, что человек не должен думать беспрестанно об увеличении своего богатства, что мы непременно должны погибнуть... и прочие, тому подобные, предосудительные вещи. Наше самолюбие не могло стерпеть такой обиды национальному харак-

теру – и мы выгнали оратора за двери. Это его, кажется, тронуло за живое; он помешался, скитается из стороны в сторону, останавливает проходящих и каждому читает отрывки из сочиненной им для нас проповеди.

Комментарии

1.

Гумбольдт. *Vues des Cordilleres*. – В 1799–1804 гг. Александр Гумбольдт совершил путешествие по Америке, которое называют «вторым – научным – открытием Америки». Результатом этого путешествия было сочинение в 30 томах с общим названием «*Voyage dans les regions equinoxiales du nouveau continent*» (Путешествие в экваториальные области нового континента – франц.), 1807–1833. Часть этого сочинения, в котором давалась общая картина природы и климата Америки, называлась «*Vues des Cordilleres*».

2.

перистиль (греч.) – крытая галерея с колоннами, примыкающая к стене здания.